

Сергей Островой

47.
35201

стихи

Сергей Островой

стихи

Молодая Гвардия
1944

33201

Отв. редактор *Б. Евгеньев*
Подписано к печати 21/VI 1944 г.
Л55541. 2 печ. л. 2,5 уч.-изд. л.
32 000 зн. в печ. л. Тираж 5 000.
Заказ 764. Цена ■ руб.

Ф-ка юнош. книги изд-ва ЦК
ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

спутники

БЕРЕЗОНЬКА

Я видел на закате дня,
Под черной тенью бомбовоза,
У обгорелого шлетня
Качнулась белая береза.

Ее не тронул дым войны,
Она еще белее стала
И на краю у тишины
К закату ветви простирала.

Не опаленная огнем,
Она дарила столько света,
Что вся земля была кругом
Ее сиянием согрета.

И кто забудет этот час,
Когда всей силой благодатной
В далекий путь, на подвиг ратный
Береза провожала нас.

Западный фронт. 1943.

СОЛДАТ

Уже три года, как он не был дома.
Детей не видел. Жёнку не ласкал.
Не раз бывало смертная истома
Свалить его хотела наповал.

Но, раненный, поверженный, избитый,
Вставал и шел. И злее стал вдвойне -
Прославленный, еще не знаменитый
Солдат, которых много на войне.

Он все видал. Война всему научит.
По горло реки вброд переходил.
Спал на снегу. Кружил в лесу дремучем.
Где впору плакать было, он шутил.

Сто верст пройдет — ни жалобы, ни вздоха.
— А ты, видать, сморился, землячок?
Махорка е? Махорки нету? Плохо. —
И не спеша достанет табачок.

— А ну, кури трофейного, ребята.
Еще достанем этого добра... —
И потекут бывальщины солдата,
Прошедшего от Волги до Днепра.

Был под Сычевкой ранен. Под Зубцовым.
Всего хлебнуть досталось на веку.

Другой бы сгнил, а он опять в стрелковом,
В родном, в первейшем, в доблестном полку.

В штыки ходил. Бывал во всяком деле.
Немало немцам сделал он беды.
Виски вот только малость поседел,и,
Да на шинели — рваные следы.

Не раз бывало жаркая, глухая
Земля шептала в горести: лежи!
Но он вставал. И, роту поднимая,
На новые врывался рубежи.

Впервой он тут, а все ему знакомо.
По мерке все. По росту. По руке.
Куда ни кинь, солдат повсюду дома.
Окоп отрыт, и каша в котелке.

А сколько раз в метелицу бывало
По суткам жил солдат на сухаре.
А ветер лют. А в животе бурчало.
А без еды застынешь в январе.

А холод раны старые тревожит.
Легко ль ему? Но он не загрустит.
Придет с поста. Шинель свою разложит.
Курнет. Ладонь под голову. И спит.

А если вдруг солдату загрустит,
Он вновь от жёнки письма перечтет.

И сердце станет легким, будто птица,
И в край родной запросится в полет...

Все видел он: погоды, непогоды.
Прошел войну и вдоль и поперек.
Но есть одно, к чему за эти годы
Никак, нигде привыкнуть он не мог.

Когда мы входим в новую деревню
И посреди дымящих пустырей
Встречаем обгорелые деревья
И скорбные фигуры матерей,

Простоволосых, сгорбленных, незрячих,
В немой тоске бредущих наугад,
Что роются среди углей горячих,
Детей зовут, — но мертвые молчат...

Он в этот миг не видит и не слышит.
В нем кровь кричит, и мысли нет другой:
Как может жить он, если немец дышит
И по земле с ним ходит по одной?!

Вот почему давно он не был дома,
Детей не видел, жёнку не ласкал.
Не раз бывало смертная истома
Свалить его хотела наповал.

Но, раненный, поверженный, избитый.
Вставал и шел. И злее стал вдвойне —
Прославленный, вовеки знаменитый
Солдат, которых много на войне!

Западный фронт. 1943.

* * *

Нет, не однажды на полях войны
Мне доводилось видеть после боя:
Убитые лежат, как бегуны,
Не ведая последнего покоя.

Занесены их ноги над землей,
Трава вокруг обуглена и смята.
И чудится, что степью неживой
Они еще торопятся куда-то.

И столько в этом вызова живым,
Такое в этом гордое стремленье,
Что кажется: подай команду им,
И мертвые рванутся в наступленье.

Но тишина над степью. Тишина.
Уходят вдаль протяжные раскаты.
...Запомни, внук мой, наши имена
И те холмы, где падали солдаты.

Западный фронт. 1943.

НЕВИДИМКА

Городок, как городок.
Только нет к нему дорог.
Пуля-дура поцелует,
Землю выбьет из-под ног.

Городок, как городок.
На реке хрустит ледок.
Входит в город невидимкой
Темной ночью паренек.

Спят притихшие дома.
Над домами кружит тьма.
Вьется пряжею колючей
Снеговая кутерьма.

Паренек идет в ночи.
Если встретит кто — молчи.
Листовым гремя железом,
Рвется ветер с каланчи.

Столб фонарный. Поворот.
Зимней ночи хоровод.
Тихо скрипнула калитка
Покосившихся ворот.

На приступок — и к дверям:
Никого не видно там?

— Мама, мама, отворите!
Это сын вернулся к вам.

Не пробьется в окна свет,
Замечает вьюга след.
Прошагал патруль немецкий.
Никого прохожих нет.

Город спит... Но в тишине
На казарменной стене
Чья-то тень заколыхалась.
Взрыв. И пламя в вышине.

Город спит. Но на реке,
От моста недалеко,
Кто-то лег в сугроб, до срока
Спрятав молнию в руке.
Вот он слышит стук колес.
Вот он глубже в землю врос.
И летят в железном громе
Эшелоны под откос.

Город спит. Метет снежок.
Час рассвета недалек.
Покидает на рассвете
Спящий город паренек.

Он идет по пустырям,
По оврагам, по кустам.
— Мама, мама! Ой, не плачьте!
Сын еще вернется к вам.

Западный фронт. 1943.

КОЛОКОЛ

Ну и ночь... То ли черти женятся,
То ли плачет по мертвым мгла.
Как обрушенная поленница,
Бьют в деревне колокола.

А войди в ту деревню — выжжена.
Только церкви торчит скелет.
Хоть бы двор какой. Хоть бы хижина.
Человека живого нет.

Бродит полночь пугливым мороком.
Спит бездомье, как древний скит.
И во тьме одичалый колокол
Над сиротской землей звонит.

Плачет колокол. Вьюга воеет.
Упадает на землю снег.
И на всей на земле нас двое:
Колокол и человек.

Над бездомьем, над степью волчьей
Плач железный в ночи повис.
...Мне бы немца догнать той ночью,
Я б зубами его загрыз.

БРАТЬЯ

Еще минувшей ночью берега,
Трясая от орудийной канонады,
Как два заклятых яростных врага,
На смертный бой сходились без пощады.

А поутру, когда был кончен бой,
Когда мелькали вспышки издалёка,
В рассветный час над гладью голубой
Зашелестела мирная осока.

Прошли саперы. Сваи поднялись.
Легла в сосновых стружках переправа.
И берега, как братья, обнялись.
Спокойно. Нерушимо. Величаво.

Западный фронт. 1943.

СТАРУХА

Сердцу памятная сторонка.
Глушь лесная. Болота. Мхи.
Схоронилась в лесу избенка,
Как золовка от злой снохи.

Древним стоном гудят деревья,
Будто песню ведут слепцы.

— А была тут, милочек, деревня.
Прозывалась она Скворцы.

Важно люди у нас певали.
Голосок к голоску — певцы...
Оттого и деревню звали
Певчим словом таким: «Скворцы».

Сон бывало неймет. Не спится.
Все бы песню какую спеть.
Потому и летела птица
Перво-наперво к нам, заметь.

Ты, милочек, человек нездешний.
Видно, мало слышал про нас.
А, поди-ка, сочти скворешни.
И нехватит тебя как раз.

Только где это все, милочек?
Вот... осталась изба одна.
Был в семье у меня сыночек —
Законопала его война.

Девочек немец угнал в неволю.
Что ж теперь я? Одна совсем.
Встану утром, пройду по полю.
Лебеды натолку да съем.

Тощей стала. Совсем поджарой.
Разве ж раньше такой была?

Видно, смерть от меня, от старой,
На войну воевать ушла.

Так-то, милый... Прости старуху,
Коль сказала чего не так.
А войне-то, слышать по слуху,
Скоро будет конец? Аль как?

Надо думать, побьют злодея.
Уж такая, сказать, беда...
Вот осталась одна в селе я,
А куда я пойду? Куда?..

Ты, солдат, человек прохожий,
А, к примеру, возьми меня:
И в ненастье и в день погожий
Каждый кустик мне тут родня.

Мне и камень-то легче пуха,
Коль он кладен моей рукой.
Ну, прощай... —
И пошла старуха,
Лопухи вороша клюкой.

И шаги ее были глухи.
И глядел я. И думал я:
Это плачем седой старухи
Говорила со мной земля.

Западный фронт. 1943.

* * *

Ты говоришь: нет сил молчать, —
Воспоминанья докучают...
Не смей о женщинах скучать —
Пусть женщины о нас скучают.

Забудь про всё. Про всех забудь.
Трудна солдатская дорога.
Когда идешь в далекий путь,
Оставь пожитки у порога.

Солдаты ходят налегке:
Патроны, нож, да корка хлеба,
Да трехлинейная в руке,
Да переменчивое небо!

Во имя жизни на земле,
Топча цветы, рубя деревья,
Солдат проходит в дымной мгле
Путиами трудного кочевья.

На нем подвижника печать.
Его бессмертием встречают.
...Не смей о женщинах скучать —
Пусть женщины о нас скучают.

ПЕЙЗАЖ

Лес в осенних подпалинах.
Лист, несущийся прочь.
В травах, наземь поваленных,
Ветер стонет всю ночь.

Ни домов. Ни околицы.
Даль глухая темна.
Где-то выстрел расколется —
И опять тишина.

Бродят смутные шорохи.
Тихо плачут ручьи.
Листьев сорванных ворохи
Что-то шепчут в ночи.

Скучно, словно из милости,
Тусклый месяц блестит.
Тянет запахом сырости
От намокших раkit.

Утро. Пни разворочены.
Зябкий дождь моросит.
И в кустах у обочины
Мертвый немец лежит.

Западный фронт. 1943.

* * *

Сквозь сердце прошли мои слезы.
О, лучше б не видеть вовек:
На сломанных сучьях березы
Повешенный стыл человек.

Кто б ни был он: житель окрестный
Иль пришлый с далекой земли,
Он — русокий! Он брат мой безвестный,
Здесь на смерть его волокли.

Здесь принял он смертную муку.
А, может быть, только вчера
Я сыну его или внуку
Махорку давал у костра.

Но что мне ответят березы?
Качается мертвый в петле.
И желтые листья, как слезы,
Бегут

и бегут

по земле...

Западный фронт. 1943.

НЕНАВИСТЬ

Он перепрыгнул через черный тын,
Ворвался в дом и вырос на пороге.

Фашистов было трое. Он — один.
Один в звериной вражеской берлоге.

Глаза в глаза. Счет на секунды шел.
Костлявый немец поднял парабеллум,
Но опоздал. И, рухнув навзничь телом,
Свернулся там, где штык его нашел.

Второго пуля повалила вниз.
Сцепившись с третьим яростно, без страха,
Он под себя подмял его с размаха,
Прижал к стене и горло перегрыз.

Потом поднялся. Вытер пот с лица.
Три мертвеца у ног его лежали...
Семь дней назад у этого бойца
Жену и сына немцы расстреляли.

Западный фронт. 1943.

ОГОНЬ

Товарищ мой! Я не припомню дня,
Когда б на фронте не было огня.
Взмывая в небо огненной дугой,
Летит снаряд, а вслед за ним другой.
Пылает лес. Он выгорел дотла.
Над ним висит обугленная мгла.

17

Товарищ мой! Не мы зажгли огонь.
К труду привыкла честная ладонь.
Но от врагов свой дом обороня,
Мы дышим гарью этого огня,
Чтобы потом народы всей земли
Дышать прозрачным воздухом могли.

Товарищ мой! Огонь в глазах бойца.
Огнем войны наполнены сердца.
Огонь везде, куда ни погляди.
Огонь борьбы горит в твоей груди.
И день придет, когда, судьбу кляня,
Погибнет враг от нашего огня.

Калининский фронт. 1941.

* * *

Сергею Родионову

Солдата целовать опасно.
Целуя, спросит он всегда:
— Скажи, ты ждать меня согласна? —
И ты ему ответишь: — Да!

И второпях, спеша проститься,
Солдат уедет воевать.
И ты начнешь с тех пор томиться,
Часы тревожные считать.

В мечтах хранить его от смерти,
Бежать к двери на каждый стук
И письма в синеньком конверте
Украдкой прятать от подруг.

И сколько дней пройдет в тревоге,
В надеждах, в горечи утрат,
Когда однажды на пороге
Опять появится солдат.

Был долгий срок в разлуке прожит.
Отдай ему свою любовь.
Он полземли прошел, быть может,
Чтобы тебя увидеть вновь.

Западный фронт. 1943.

ПЕСНЯ О НАГРАДЕ

Есть у нас в полку солдат —
Не сочтешь его наград.
Уж как первую наградой
Стал солдату автомат.

Порохом каленый,
Ловкий да смысленый,
Разговорчивый, речистый,
Друг-товарищ истый.

Есть у нас в полку солдат —
Не сочтешь его наград.

Полюбил солдат награду —
Связку огненных гранат,
    Говор их гремучий,
    Норов их могучий.
Он кидал с размаху ночью
    К немцу в яму волчью.
Есть у нас в полку солдат —
    Не сочтешь его наград.
В бой итти — его награда,
Не сворачивать назад.
    Генерал героя
    Вызовет из строя.
    Всем бойцам его покажет,
    Орден дать прикажет.
Есть у нас в полку солдат.
Но превыше всех наград
Любит он свою отчизну,
За нее сражаться рад.
    Служит он народу,
    Бьется за свободу.
    Оттого и смерть, ребята,
    Не берет солдата.

Западный фронт. 1943.

стихи о жене

ТЕБЕ, НИНА

1

Когда я думаю о том,
Что из далекого похода
Я вновь приду в родимый дом,
Где ты ждала меня три года,

Где, русской верностью горда,
Ты нежность женщины хранила, —
Как мне захочется тогда
Припомнить все, что с нами было.

Но замолчу. Но стисну крик.
Но обойму тебя сурдео.
И мы, наверно, в первые миг
Не сможем вымолвить ни слова.

Так нам разлукой суждено...
У первых встреч — одно начало:
Из многих слов найти одно,
Которое бы все сказало.

Восходит ночь в неясном свете,
 Ракеты рыщут в синеве.
 Непохороненные дети
 Лежат в некошенной траве.

Не мать слезой своей горячей
 Омоем детские тела —
 Рыдалец-ветер их оплачет
 И обоймет степная мгла.

Тут город гонят в рабство. Город!
 Проходят толпы, как в бреду.
 И мать, рванув холщевый ворот,
 Кричит конвойным: «Не пойду-у!»

И немец бьет ее прикладом.
 И ей не встать уже. Не встать...
 И с неоплаканными рядом
 На большаке ложится мать.

И, может быть, босой, раздетой,
 Вот так же ночью на правез
 Ты в смертный час дорогой этой
 С Наташей, с дочкою, идешь?!

И пусть здесь нет на вас похожих.
 Но как унять мне боль мою,

Когда я в женщинах прохожих
Одну тебя лишь узнаю!

3

Легло меж нами много длинных верст.
Мороз в стени пропляшет до рассвета.
Глазам моим светло сейчас от звезд,
И только сердцу, сердцу мало света.

Его степная стужа обняла.
Заволокла неласковая дрема.
Пошли ему домашнего тепла
И весточку далекую из дома.

Мы третью ночь ночуем на снегу.
Все немец сжег. Ни кустика. Ни хаты.
И на днепровском левом берегу
Глотком махорки греются солдаты.

Близка атака. В час такой, поверь,
Солдаты самых близких вспоминают.
И дом родной, что так далек теперь,
И ту, кого любимой называют.

4

Посмотри в глаза мне. Дай ответ:
Или очень любишь, или нет?

Если я с войны вернусь без ног,
Пустишь ли такого на порог?

Или, может, раненный в бою,
Руку потеряю я свою?

Ни обнять тебя, ни приласкать...
Будешь ли меня такого ждать?

Все случиться может невзначай.
Правду мне, солдату, отвечай.

Медленно раскрыла ты глаза.
Светлая блеснула в них слеза.

Тень твоя скользнула по стене.
Руки протянула ты ко мне,

Ничего не видя... Как в дыму...
Ну, не плачь. Не надо. Я пойму.

Я ведь не в обиду, не в укор
Злой такой затеял разговор.

Все случиться может невзначай,
Только ты... молчи. Не отвечай.

5

Как мне забыть тебя, мою
Надежду. Кровь мою. Мой дом
Обороня меня в бою
Своей любовью, как щитом.

Согрей меня на холоду.
Ведь на войне, как на войне.

Когда я в поле упаду,
Приди бессонницей ко мне.

Не дай уснуть мне в эту ночь,
Не то замерзну на снегу.
Будь рядом. Здесь. Приди помочь.
Я встану... Встану... Я смогу.

Ведь где б ни шел я по войне,
Куда б ни кинула она,
Ты всякий раз являлась мне,
Моя любовь. Моя жена.

6

Я скажу тебе по совести,
Не лукавя, не тая:
Ты в моей солдатской повести
Песня лучшая моя.

С самых первых дней замужества
Ты пришла ко мне, как свет.
Я люблю тебя за мужество,
За улыбку, за совет.

За любовь твою упрямую
И за русскую, за ту,
За хорошую за самую
В ясном свете красоту.

За твое ко мне внимание.
И за всю тебя, поверь,

Горячей еще, чем ранее,
Я люблю тебя теперь.

Ты мне всюду стала спутницей,
Без тебя не прожил дня.
Шли метелью, шли распутицей —
Ты не бросила меня.

Так пускай другие женятся,
А потом уходят вновь.
Только наша не изменится
Незакатная любовь.

7

Я знаю: тебе не сладко
И жить и тужить одной.
Солдатка моя, солдатка,
Расстались ли мы с тобой?

Мое в тебе сердце бьется,
И верность в тебе моя.
Напишешь, а мне сдается,
Писала не ты, а я.

Я верен мужской поручке.
Три года — не малый срок.
Но слово свое в разлуке
Храню, как святой зарок.

Одной мы любовью дышим.
И правда у нас одна.

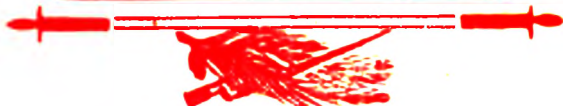
И нет для меня превыше,
Чем имя твое: жена.
А если порой вагрустнется,
Я рядом. С тобою я.
Твое во мне сердце бьется,
И верность во мне твоя.
И пусть ты далеко где-то,
Земной тебе мой поклон.
...О, как еще мало спето
Про верность солдатских жен!

8

Не выходят в море без весла,
На ветру не зажигают свечи.
Если б я не знал, что ты ждала,
Я и сам не ждал бы нашей встречи.
Может лгать любая, что верна,
Говорить про нежность, про утрату.
Но жена солдата, но жена —
Разве может лгать она солдату?
Он ей вверил лучшее свое.
Всю разлуку вымерил шагами.
Он в пути замерзшими губами
Имя выговаривал ее.
Оттого и верит: не лгала,
Ядом не подслащивала речи.
...Если б я не знал, что ты ждала,
Я и сам не ждал бы нашей встречи.

1-й Белорусский фронт. 1941.

ОДНОПОЛЧАНЕ

ЭТО БЫЛО В ЛАЗАРЕТЕ

В руку врезалась пуля,
Свет померк голубой.
Эх ты, пуля-кривуля,
Не встречаться б с тобой!

Приказали лечиться,
Привезли в лазарет.
Ходит в белом сестрица,
Будто утренний свет.

Глянул доктор сурово
Из-под самых очков.
— Я же, честное слово,
Абсолютно здоров.
Так. Пустышная рана.
Мне бы утром да в бой..

— Разговаривать рано.
Помолчите, больной.

Вышел врач из палаты,
А вокруг — погляди:
Всё халаты, халаты,
Хоть в разведку иди.
Взять бы эти халаты,
Да залечь на снегу,
Да, поднявши гранаты,
Подобраться к врагу,
Да как грянуть неожиданно —
Только пыль полетит.
...Эх, проклятая рана!
Все горит и горит.
Надо ж было случиться
Этой хвори со мной.

Подбежала сестрица.
— Успокойтесь, больной. —
Пролежал я три ночи.
Сны меня не берут.
«Что-то, — думаю, — очень
Залежался я тут.
Баста, — думаю, — хватит.
Не пора ли назад?»

Встал тихонько с кровати
И побрел наугад.

Вдоль по стенке по белой
Выйти к двери сумел.
Хоть и парень я смелый,
В этот раз оробел.
Поскорее бы скрыться
Да бежать от огня...
Эх, сестрица, сестрица,
Не корите меня.
Прощевай ты, палата,
Я подался к своим...

Вот нашел я комбата
И предстал перед ним.
Дескать, тут я... явился...

Но молчит наш комбат.
То ли он удивился?
То ли мне он не рад?
Постоял я горюя.

— Вы откуда, Быстров?
— Так и так, — говорю я, —
Совершенно здоров.
Вот... по роте скучаю...
— Ты же ранен, Тарас?
— Никак нет, — отвечаю. —
Мне бы в роту сейчас!

Подошел ко мне. Обнял.
Сжал мне руку комбат.

Двадцать немцев сегодня
Срезал мой автомат.

Калининский фронт. 1941

СЕСТРА

Ночь плывет над старой елью.
Шелест. Шорохи. Шаги...
Ляг. Накрой себя шинелью,
Отдых свой побереги.
Ты, наверное, устала?
День в пути. И ночь в пути.
До последнего привала
Далеко еще идти.
Скоро, с первой зарницей,
Птицы в путь проводят нас.
Отчего тебе не спится?
Прилегла бы хоть на час.
Может, мы недоглядели?
Нездоровится? Больна?
Нас-то много, в самом деле,
Ты-то вот у нас одна.
Или, может быть, ребята
Чем обидели тебя?
...Обернулась виновато,

Листик мяты тебе.
Обернулась виновато,
Оглядела всех вокруг.
— У меня... фашисты... брата...
Брата... —
И замолкла вдруг.
И казалось — в целом свете
Все внимало ей кругом.
...Лида! Лида! Слезы эти
Мы по капле соберем,
И в суровый час расплаты
Будет каждая слеза
Падать яростней гранаты,
Жечь сильнее, чем гроза.
Будет долго жить в народе
Горе девушки простой...
Мы на марше. Мы в походе.
Мы идем поутру в бой.
Мы идем. И Лида с нами.
Рань. Еще не горячо.
Сумка с красными крестами
У нее через плечо.
Мы идем. Колосья хлеба.
Трав зеленая гряда.
Утром бой. Светлеет небо.
Поступь грозная тверда.

Калининский фронт. 1941.

ВСТРЕЧА С ДЕДОМ

По свежему насту в предутренний час
В родные места пробирался Тарас.

Мохнатая роща на дальней горе
Стояла, как терем, в седом серебре.

Верхушками сосен достав до небес,
Былинную песню затягивал лес.

Протяжной той песни знакомы слова...
На тут ли скакал королевич Бова?

Не здесь ли, трубя в позолоченный рог,
Слетались витязи ратных дорог?

Но время проходит и гасит костры...
О, мятые сверстники детской поры!

О, тропки лесные!.. Речушка Косож
И лес, что на русскую сказку похож.

О чем ты шумишь, мой товарищ? О чем?..
Я помню: березка росла над ручьем;

Как русская девушка с русой косой,
Она поутру умывалась росой.

А где ж она ныне? Березки той нет.
И сосны сказали Тарасу в ответ:

— Не спрашивай, парень. Тут немец ходил.
Березку он всю на кресты изрубил.

Ты помнишь березку? Ты старый ей друг!.. —
И снова Тарас огляделся вокруг.

Он видел, как, рыжее вскинув крыло,
Вдали догорало родное село.

Село, где он рос. Где в ночное ходил.
Где на ноги встал. Где впервой полюбил.

Где с домом простился. Ушел воевать,
Оставив невесту и старую мать.

— Невеста!.. Настюша!.. Жива ты иль нет? —
И сосны сказали Тарасу в ответ:

— Ой, горе нам, парень! Тут немец ходил.
Он дом твой порушил. Невесту сгубил.

Лежит она ныне на белом снегу
И мертвой рукою грозитя врагу...

И снова Тарас огляделся кругом.
Село догорало... За ближним холмом

Гремели раскаты. Багровой дугой
Ракеты взмывали одна за другой.

Дымилось пожарище... Гарью несло...
Соседняя рота врывалась в село.

Как тянется время!.. Скорей бы! Скорей!
Но кто это бродит там между ветвей?

Цепочкой, по-волчьи, один за одним.

34 Тарас, изготвься! Пусть грянет по ним

Наполненный гневом и смертью заряд.
Встречай их по-русски! Рази их подряд
Свинцовым проклятьем! На выбор их бей!
Что пуля — то в сердце. Чтоб снегом с ветвей
В лесу занесло их, как падаль, как тварь.
Ударь же их меткою пульей. Ударь!
Как четко в лесу говорит автомат.
Нет немцам пути ни вперед, ни назад.
Где пуля пройдет — там снежок запуржит;
Где снег запуржит — там убитый лежит.
В зеленых шинелях, застыв на бегу,
Валяются немцы на белом снегу.
...Как четко в лесу говорит автомат.
Тарас, оглянись поскорее назад!
Не все еще немцы добыты тобой.
Вон прячется недруг за белой сосной.
Он целит в тебя. Он навел автомат.
Но гулко, как всполох, как сельский набат,
Вдруг выстрел раздался с другой стороны,
И замертво немец упал у сосны.
Тарас обернулся. О, если б Тарас
Мог знать, кто от смерти сейчас его спас!
Вновь выстрел. И снова с другой стороны.
И новый убитый лежит у сосны.

Но что это хрустнуло? Ветка иль снег?
И видит Тарас, как ползет человек

То к елке, то кустиком... Вроде змеи...
— Стой! Пулей попочую! Кто там?

— Свои!

Тарас по-пластунски пополз напрямик.
А в рост по поляне навстречу — старик
Да прямо к Тарасу. Ружье за плечом.
Снега глубоки, а ему нипочем.

Видать, партизан. В випунишко одет.
Да это же... дед его... Дедушка!.. Дед!

— Кирилл Тимофеевич!.. Вот тебе раз!..

— Поверю ли? Господи! Ты ли, Тарас?

И к внуку в обнимку. Да так обнялись,
Как будто два дуба ветвями сплелись.

— Вот это, брат, встреча! Не думал ни в жисть.—
И вновь постояли. И вновь обнялись.

— Эи сколько, Тарас, ты набил немчуры!

— А ты хоть и стар, а глаза-то остры.

— Что ж, внучек, про мать-то не спросишь?

— Боюсь.

Жива ли? — Жива. — Это ты мне, дедусь,

Помог невзначай? — Вот как раз! Невзначай.

36 Я первый их выследил. Ты не сердчай.

А то, что дорожки нечаяно сошлись... —
И вновь постояли. И вновь обнялись.

Прощались недолго. Тарас уходил.
Багровый рассвет над землею всходил.

Сквозь светлую даль, сквозь седые ветра
На запад, на запад летело «ура».

И, снежные шапки подняв до небес,
Былинную песню затягивал лес.

Калининский фронт. 1942.

НА ВОЛГЕ

Об этой ночке, друг,
Я не забуду долго.
Лежат снега вокруг,
А под снегами Волга.

Гудит сосновый лес,
Во-всю ветвями машет.
Буран, как белый бес,
Окрест дороги пляшет.

Вдали, свиваясь в жгут,
Ракеты над полями,
Как будто птицы бьют
Багровыми крылами.

А мы лежим в снегу.
Чуть ступишь — вязнут ноги,
А враг на берегу,
И нет к нему дороги.

На Волгу спуск высок,
Тропинки льдом покрыты.
На берегу — лесок.
А в том леске — бандиты.

Стоит фашистский дот,
Весь выбелен, как мелом.
И держит пулемет
Всю местность под обстрелом.

Хотя б один сугроб,
Хотя б ложбинка, что ли.
Пойдешь атакой в лоб —
И ляжешь в чистом поле.

Повсюду пустыри,
Куда ни кинешь взгляда.
А надо, хоть умри,
Из дота выбить гада.

Отполз я стороной,
В снегу траншейку сделал
И ровной целиной
Пополз по стезжке белой.

Передохну в пути
И дальше... Честь по чести..
А мне еще ползти
До немцев метров двести.

Чем ближе вражий дот,
Тем тяжелей усталость.
Вперед, браток, вперед!
Еще продвинься малость.

Ярится немчура,
А я все ближе к доту.
Потом привстал.
«Ура-а!»
И прямо к пулемету.

Ракетой ослепил,
Шумиул во всю натуру
И с ходу что есть сил
Гранатой в амбразуру...

Поджали немцы хвост,
Не слышно пулемета.
А тут как встала в рост
Да как пошла пехота!

Да всё бегом. Бегом.
Вперегонки несутся.
Как поглядишь кругом —
Лишь только вспышки рвутся!

Калининский фронт. 1942.

первые письма

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Июль. 1941

Женка моя! Моя дорогая!
Если б ты знала, в который раз,
Имя твое про себя повторяя,
Я вспоминаю тебя сейчас.

Мерно на запад стучат колеса,
В синих огнях промелькнул Можай.
Рука* закинув, простоволоса,
Ты мне кричала: «Не уезжай!»

Разве забуду, в тоске, в печали,
Тополь напротив твоих окон?
Старый наш дом на Тверском бульваре,
Солнцем одетый со всех сторон?

Сад тополиный в резной ограде,
Белый песок у цветочных гряд
И унесенный в прощальном взгляде
Твой, дорогая, прощальный взгляд?

«Нинка!» — так я шепчу губами.
Так я зову, не смыкая глаз.
Может, в глухом городке на Каме
Тоже не спится тебе сейчас?

Может, тревогой ночной томима,
Смотришь на дочку в немой тоске?
Сон за окошком проходит мимо,
Ветер на мокром шуршит песке.

Дом наш московский покинут нами.
В разные нас развело края..
«Нинка! — так я шепчу губами. —
Радость моя! Песня моя!»

Разве я мог оставаться дома?
Ждать, когда немцы уйдут, простак?
Голову в плечи втянуть от грома?
Заячий в сторону сделать шаг?

Нет, не приму я от немца муки.
Лучше паду, как солдат в бою.
Ненависть! Дай мне винтовку в руки!
Если прикажешь убить — убью!

Не словотворцем — солдатом встану,
Только жила бы моя земля.
...Так и расстались мы. Утром. Рано.
Ты на восток, и на запад я,

Мимо дремучей гряды сосновой
Дымный за поездом вьется след.
Шарит прожектор в глуши суровой.
Мечутся вспышки ночных ракет,

Новой дороги к тебе не зная,
Песню, как прежде, в полет пущу.
Нинка! Родная моя! Родная!
Где ты? Грущу о тебе. Грущу.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Июль. 1941

Мы в деревне Авдотьино. Это —
Хвойным лесом поросший курган.
Скоро ночь добредет до рассвета
И расстелет в лощинах туман.

Моросит. Одинокие птицы
Не к добру в эту пору кричат.
В черном небе ширяют зарницы —
Это где-то зенитки стучат.

Я стою на посту. И впервые
Сторожу тебя нынче, земля,
Все дороги твои вековые,
Перелески твои и поля.

И не так ли, не так ли когда-то,
От недоброй судьбы захмелев,
Русь вставала, одетая в латы,
На Мамай обрушив свой гнев?

И под светлой, под вещей звездой
На щитах приносила почет.
...Я стою на посту. Надо мною
Тоже русское небо течет.

Полк на отдыхе. Мокнут палатки
От студеной зернистой росы.
Может, где-то на Каме солдаты
Долгой ночи считают часы?

Как незримое глазу виденье,
Смутный шорох ползет в тишине.
Тишина — это тоже движенье,
А особенно тут, на войне.

Ночь назад во втором батальоне
Был заколот штыком постовой.
Весь в крови, разметавши ладони,
Он упал на восход головой.

Воровские следы на тропинке
Да обрывок веревки в кустах.
И застыли, как свечи, травинки
В изголовьи его и в ногах.

То ли мать загрустила о сыне,
То ли пало росы серебро...
Я стою на посту. Но отныне
Глаз недреман, а ухо остро.

Полк па отдыхе. Скоро побудка.
Тянет ранней прохладой с реки.
Просыпайся, солдатская шутка!
Вылезайте на свет, котелки!

И в поход! Голосов не жалея,
Чтобы песня крепчала в пути,
Чтобы только скорее, скорее
Всем полком до Берлина дойти.

Нинка... Милая... Если б ты знала,
Сколько думок в моей голове!
Ты проснулась, наверное? Встала?
Ты ведь рано вставала в Москве.

Все, что было у нас, вспоминая,
Ты не плачь обо мне, не горюй,
А почаще лиши, дорогая,
И покрепче дочурку целуй.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Август. 1941

Женщина моя! Моя отрада!
Разве я могу тебя забыть,
Если сердцу поминутно надо
Обо всем с тобою говорить?

Ни тебя, ни сердца не обижу.
Ты в мою сторонку погляди.
Третий месяц я тебя не вижу,
А еще разлука впереди.

Далеко от Вязьмы до Урала,
Много мною вытоптано трав.
Ты б меня, наверно, не узнала,
Нынче ненароком повстречав.

В гимнастерке, выжженной от пота,
В пропыленных рыжих сапогах...
Мир дрожит, когда идет пехота,
Славой освященная в веках.

То не ливни хлынули косые —
Засверкали русские штыки.
Широка земля твоя, Россия,
А тесно, когда идут полки.

Зреет поле, солнцем налитое,
Встала рожь над ширью вековой.

Это тоже войско золотое
С непокрытой русой головой.

Бог его красою не обидел,
Медом пахнут в августе поля.
Будто первый раз тебя увидел,
Дорогая, русская земля.

Август мой!.. Под радугой сквозною
В золотых разводах тишина.
Кто сказал, что рядом с тишиною
На земле бесчинствует война?!

Нет, не верю! Не хочу поверить!
Здесь вовек нетленна красота.
Нету слов, чтоб всю ее измерить,
Разгадать оттенки и цвета.

Завещаю будущему роду
Василек на жончике штыка!
..Стой, мечтатель! Вслушайся в природу!
Слышишь: звук летит издалека?

Крут за кругом, глухо, монотонно,
Он как будто жалит синеву.
Кто-то крикнул: «Воздух!» И колонна
По команде падает в траву.

Как паук плетет свои тенета,
«Мессершмитт» кружил по вышине.

Застучала лента пулемета,
Будто град прошел по тишине.

Крики. Стон. Косые вспышки молний.
Чья-то кровь на срезанном стебле.
Поле! Поле! Не цветы запомню —
Кровь запомню на твоей земле!

Не простим германцу смертной муки.
День встает в сиротстве и в крови.
Нинка! Нинка! Протяни мне руки.
Нежная! Убить благослови!

Ничему душа теперь не рада.
Ты меня слезами не тревожь.
Кровь кричит. Пойми меня, как надо.
Нинка... Нинка... Верю, что поймешь.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Сентябрь. 1941

Ты пишешь, что ждешь меня, ждешь.
Постель по привычке мне стелешь,
И письма мои бережешь,
И так же попрежнему веришь.

Я тоже все письма твои
В тетрадку походную прячу.

..Светает. Поют соловьи.
И звезды бредут наудачу.

Должно быть, не больше пяти.
Затихла тревога ночная.
Скорей до палатки дойти
И лечь бы, сапог не снимая.

Под голову сумку — и спать!
Как в детстве спалось нам бывало.
Неслышной походкою мать
Поправить придет одеяло.

Она постоит над тобой.
Ты чмокнешь спросонья губами...
Два дня орудийной пальбой
Штатает всю землю под нами.

Два дня и две ночи без сна.
Поверишь, нам вечности мало!
А мертвым могила тесна,
Их смерть по полям раскидала.

Приюта земля не дала.
Оглохла она и ослепла.
Вчера тут деревня была,
А ныне лишь холмики пепла.

Чернеют воронки кругом,
Поля обгорелы и дики...

Мы молча сходились с врагом,
Чтоб злобу не выдохнуть в крике.

Мы шли через озеро вброд.
Вода леденела до звона.
Нас вел Федорченко вперед —
Лихой комиссар батальона.

Его в этой песне пою!
Усатый добряк и рубака,
Он отдал бы душу свою
За громкое слово: «Атака!»

Придет ли он нынче живым?
А может, волна ледяная
Сомкнет свои гребни над ним,
Свинцовой пеной вскипая?

На берег! На берег! Туда!
На черные эти высоты!
В четыре упрямых ряда
Рванулись ударные роты.

Взлетели ракеты светло.
Разрывы ложились все гуще.
Мы с ходу ворвались в село
Со странным названьем: «Свапуци».

А немец молчал. На пути
Затишье тревожное стыло.

Он выждал. Он дал нам пройти.
Взял в клещи и ринулся с тыла.

Забилась, как колокол, мгла.
Кружа, заметалась ракета.
О, если б ты видеть могла
Неистовство мрака и света!

О, если бы слышала ты
Щемящую песню снаряда
И гром, что летит с высоты
В осколках свинцового града!

Зарыться бы в землю, в бронею.
От смерти б куда-нибудь деться...
Но нет! Не подвластно огню
Обуглить солдатское сердце!

Мы бились жестоко и зло.
Мы времени счет потеряли.
Два раза брал немец село,
Два раза его выбивали.

Он шел на нас с разных сторон
От крови штыки заржавели.
Но насмерть стоял батальон,
И мертвые падать не смели.

Нас мало осталось в живых.
Кольцо замыкалось все туже.

Сквозь тысячи верст фронтовых,
Жена моя, вспомни о муже!

Всей силою женской любви
Ты встань со мной рядом незримо.
Шинель моя в сгустках крови,
Лицо почернело от дыма.

Остался последний патрон,
Хоронится смерть за домами.
Вот вражеской пулей сражен,
Взмахнул Федорченко руками.

Казалось, что выхода нет,
Что бой доведен до предела,
Но в этот-то самый момент
На флангах «ура» прогремело.

Взметнулись разрывы гранат,
Забили вокруг пулеметы.
Из леса, из тайных засад
Спешили на выручку роты.

Был страшен их точный удар, —
С ним буря сравнится едва ли.
Взглянуть бы тебе, комиссар,
Как немцы назад побежали.

Но ты не поднимешься, друг!
Кто видел, как плачут солдаты
И каждый клянется вокруг
Безмолвною клятвой расплаты?!

Ты помнишь, я раньше не мог
И малую птицу обидеть.
А нынче мне любо у ног
Убитого немца увидеть.

Я знаю, ты скажешь: война!
Становятся люди черствее.
Но здесь ненавидят сполна
И любят, родная, сильнее.

Я буду нежнее, чем был.
Разлуки с тобой не забуду.
И больше, чем прежде любил,
Любить тебя, милая, буду.

Мне снится ночами наш дом,
И ты в нем хозяйничать рада.
И тополь под самым окном
В цветных обручах листопада.

Ты утром растворишь окно.
Откинется легкая штора...
Давно это было. Давно...
Три месяца этому скоро.

Тревожной солдатской судьбой
Отсчитаны сроки свиданья.
Но все мои мысли с тобой,
И нет для любви расстоянья.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Октябрь. 1941

Теперь я в Ржеве. Писем жди отсюда.
Да разве я забыть его смогу:
В посадах древних солнечное чудо,
Возникшее на волжском берегу?!

Прозрачный воздух шпилями распорот,
Встают дома в затейливой резьбе.
О, милый сердцу, старый русский город,
Недоля злая выпала тебе.

Пять дней подряд бомбит тебя германец.
Он хочет в дом твой с запада войти,
Отнять добро, всю землю втиснуть в ранец
И, как свою добычу, унести.

Он хочет нашей волжскою водою
Омыть свои тупые сапоги.
Смеясь над русским горем и бедою,
Свивает «Юнкерс» черные круги.

Он не один. Их сотня над тобою.
О, бедный город! Гордый город Ржев!
Стучит машина смерти и разбоя,
Слепые бомбы воют, ошалев.

Хрустит стекло на выщербленных плитах,
Торчат немые остовы домов.
О, сколько их, сожженных и разбитых,
В седой золе и в клочьях проводов!

Уже земля под танками устала,
Горят вдали Сычевка и Zubцов.
Мы отступаем. О, когда б ты знала,
Как тяжело покинуть отчий кров!

Как тяжело отдать на разоренье
Родной предел, что стал тебе судьбой.
Закрой глаза, но страшные виденья
Идут повсюду следом за тобой.

Тебе не скрыться. Ты за все в ответе.
Ты отдал дом. Земли не пожалел.
...Мы покидали город на рассвете.
И мир тогда от горя поседел.

И, словно нашу совесть карауля,
Детишек сонных матери вели.
Тогда мой старый друг Ефим Зозуля
Поднял на память горсть сухой земли.

И, побледнев от горести и гнева,
Встал, обращенный к западу лицом,
И сжал кулак. И, уходя из Ржева,
Мы все клялись, что мы назад придем.

Да, мы придем! Мы вступим в город снова,
Горячкой боя яростно дыша.
Прости меня. Письмо мое сурово.
Рубцы на теле. В ссадинах душа.

Не легкий труд под бомбами скитаться,
Считать друзей, ушедших навсегда.
И если ты поплачешь, может статься,
Так это вовсе, жёнка, не беда.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Октябрь. 1941

Холодно. Стынут ноги.
Ветэр колюч, жесток.
Мне не забыть дороги
С запада на восток.

Кровью закат окрашен.
Молча идем. Без слов.
Мимо лесов и пашен,
Мимо родных домов.

Ветер метет и вьюжит.
Небо красней, красней.
Птица над полем кружит,
Черный паук на ней.

Птица все ниже, ниже
Землю колотит дрожь.
К снегу прижмешься ближе,
Выждешь. И вновь идешь.

Кружится птица смерти,
Рядом она совсем.
Мы-то привыкли, стерпим.
В женщин стрелять зачем?

Хлещет метель косая.
Дети бредут гурьбой.
Девочка, ты босая.
Ножки свои прикрой.

Мать не зови. Не надо:
Мама к тебе придет.
О, эта горечь взгляда,
Сжатый в испуге рот!
Как ей ответить прямо?
Чем ей помочь в беде?
— Дядь! А где же мама?
Где моя мама? Где?..
Страшно... Я плакать буду.

Я босиком стою... —
Как я тебя забуду,
Маленькую мою?!
Ноги твои босые,
Кровь посреди дорог.
Тяжкий твой путь, Россия,
С запада на восток!

Черные тучи дыма,
Скрежет железных птиц,
Танки, неумолимо
Мчавшие от границ.

Запах земли паленой.
И в тишине, на миг,
Радостный, иступленный
Немца звериный крик.

Воры! Напали воры!
Ночью, из-за угла.
Глухо режут моторы.
Бьется в разрывах мгла.

Вязнут в сугробах ноги.
Ветер колюч, жесток.
...Как мне забыть дороги
С запада на восток?!

Горький дымок махорки,
Мерзлой луны рожок,

Савинковские Горки,
Медное и Торжок?

Грустный рассказ карела,
Жестокое пламя глаз,
Бабку, что вслед глядела,
Богу молясь за нас?

Шаль на ветру цветная.
Черный пролом стены...
Старенькая, седая,
Где-то твои сыны?

Путь наш тяжел и длинен.
В горе. В слезах. В огне.
Немец, заняв Калинин,
Рвется уже к Москве.

Встану, друзей сзывая,
Кликну во все края:
Дом мой! Москва родная!
Светлая честь моя!

Разве тебя покину,
Правду моей мечты?
Сердце, коль надо, выну,
Только б стояла ты.

Все, что твое, то свято, —
Вечно тому стоять.

Слышишь ли ты солдата,
Русская наша мать?!

Голос моей тревоги!
Голос моей любви!
Разве сверну с дороги.
Если душа в крови?

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Ноябрь. 1941

Много я за это время видел.
Многое припомнилось в пути.
Ты прости, коль чем-нибудь обидел
Перед тем, как на войну уйти.

Всякое случается на свете.
Любишь — а обидишь невзначай.
Только ты теперь обиды эти
Никогда, мой друг, не вспоминай.

Был кем хочешь: спорщиком, смутьяном,
Непоседой, сам себе большой.
Но вовек не приходил с обманом.
А всегда с открытою душой.

В драку лез. Не прятался от грома,
До конца любил своих друзей.

Все воюют. Всех их нету дома.
Ну, а те, кто дома, — тем видней...

Скоро ночь уйдет, а мы не спали...
Вся земля притихла. Целый мир.
Сталин говорил сегодня. Сталин!
Из Москвы. Из самой. Говорил.

А потом полями да снегами
К нам пришел. Как смог он нас найти?
Посидел в землянке нашей с нами.
Обогрелся у огня с пути.

По огням ракет на горизонте
Посреди метели нас нашел.
Только слух идет, что он на фронте
Все землянки ночью обошел.

Мне о том бойцы передавали.
Не обидев, как скажу я им,
Что он к первым к нам пришел вначале.
А потом пришел уже к другим?

С праздником поздравил всех сердечно,
Смелых обнял, слабых ободрил.
Навсегда запомню я, наверно,
Ночь, когда он с нами говорил.

Раненное немцем Подмосковье.
Трепетные сполохи ракет.

Мы его спросили: «Как здоровье?»
Молча улыбнулся он в ответ.

Как он был спокоен! Как спокоен!
Гром не потрясет такую твердь.
И любой спросил себя: достоин
За него на подвиг и на смерть?

Устоишь, когда в смятении стали
Смерть придется видеть наяву?
...В эту ночь солдаты клятву дали:
Отстоять любой ценой Москву.

Мы сильнее поверили друг в друга
Сердцем, кровью, мужеством своим.
...За окном землянки воет вьюга.
Скоро ночь пройдет, а мы не спим.

Свет зари идет на нас с востока.
От землянок отступает мгла.
...Далеко ты, жёнка. Ой далёко!
Но вовек так близко не была.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Декабрь. 1941

Последний раз в году летит к тебе строка.
Храни ее судьба. Пошли ей крылья ветер.

Спеши навстречу к ней. Спеши издалека,
Чтоб вестницу мою еще в дороге встретить.

Когда бы знала ты, что в ней заключено!
Я с ней послал тебе надежду, радость, душу —
Все, все, чем жили мы и чем нам жизнь дано,
Чего мы ждали так и что пришло к нам.

Слушай:

Раскат... еще раскат... То наши пушки бьют.
Свершилось. Враг бежит. Возмездие настало.
О, как они бегут! О, как они бегут!
Зато Москва стоит, как и допрежь стояла.

Так было суждено. Он зрел в нас, этот час.
Мы в сердце пронесли его сквозь испытанья.
Мы знали: он придет. И враг узнает нас.
Еще заплатит нам за горе и страданья.

Что сделал он с землей? В дыму, в дыму земля.
Приникли к бугорку — он весь сочится кровью.
И с болью я гляжу на голые поля.
И тяжело, тяжело мне идти по Подмоскovie...

А помнишь, здесь с тобой бродили мы вдвоем?
Трава вставала в рост. Земли томилось тело.
И даль цвела вокруг, как синий водоем?

62 Все стало черным туг. Все здесь осиротело.

Стой, русский человек! Пусть горькая слеза
Падет на этот прах слезою искупленья.
Настал желанный срок. Уже гремит гроза.
И в бегстве хочет враг найти свое спасенье.

Идет железный суд. Идет железный суд.
Горит земля в огне — она взывает к мщенью.
Всё дальше от Москвы, всё громче пушки бьют,
И новые полки готовятся к сраженью.

Запомни эту ночь на годы, на века.
Прожектора метут. Светло, как в преисподней.
За тыщи длинных верст летит моя строка,
Чтоб передать тебе привет мой новогодний.

А я свой новый год отпраздную в пути.
По чарке разолью с походными друзьями.
Ты в сторону мою свой взгляд обороти.
И где-нибудь с тобой мы встретимся глазами.

Что пожелать тебе последний раз в году?
Останься навсегда правдивой, ясной, светлой.
Такой, как ты была. Как яблонька в саду.
Простой. Совсем простой. Но самую приметной.

Пора... Полней стакан. Уже двенадцать бьет.
И в летопись времен войдут другие главы.
Но вечно будет жить наш сорок первый год.
Год крови. Год любви. Год незабвенной славы.
Западный фронт. 1942 — 1943.

СОДЕРЖАНИЕ

СПУТНИКИ

Березонька	3
Солдат	4
Нет, не однажды на полях войны	7
Невидимка	8
Колокол	10
Братя	11
Старуха	11
Ты говоришь: нет сил молчать...	14
Пейзаж	15
Сквозь сердце прошли мои слезы...	16
Ненависть	16
Огонь	17
Солдата целовать опасно...	18
Песня о награде	19

СТИХИ О ЖЕНЕ

Когда я думаю о том...	21
Восходит ночь в неясном свете...	22
Легло меж нами много длинных верст...	23
Посмотри в глаза мне. Дай ответ...	23
Как мне забыть тебя...	24
Я скажу тебе по совести...	25
Я знаю: тебе не сладко...	26
Не выходят в море без весла...	27

ОДНОПОЛЧАНЕ

Это было в лазарете	28
Сестра	31
Встреча с дедом	33
На Волге	37
ПЕРВЫЕ ПИСЬМА	40

Цена 3 р.

